

Глава 42. Нефрит Куньлуня III

В стародавние времена Мир Гор и Морей и Мир Людей были единым целым. Хотя, если говорить точнее, первый представлял собой лишь крошечную, еще не до конца сформировавшуюся обитель, зародившуюся на самой поверхности человеческого мира.

Чжоу Фу соединил ладони, а когда разомкнул их, на его руках покоились два бумажных листка — ослепительно белых, шелковистых и мягких, совсем не похожих на ту бумагу, которой обычно пользовался Шэнь Цинчжоу.

— Это Мир Людей, — Чжоу Фу приподнял листок побольше.

— А этот олицетворяет Мир Гор и Морей, — он показал Шэнь Цинчжоу второй, поменьше.

Говоря это, Чжоу Фу наложил листки друг на друга: меньший оказался поверх большего.

— Говорят, будто это два лика единого сущего, но истина тоньше, — продолжал он. — Скорее уж при зарождении мироздания случился крошечный изъян, из-за которого на теле человеческого мира вздулся лишний нарост.

— При зарождении мироздания? — недоумевая, переспросил Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу кивнул.

— Миры приходят из первородного хаоса. Сперва разделяются небо и земля, затем они начинают взращивать все живое. В этой беспредельной бездне рождается бесчисленное множество миров, но большинство угасает в вечном безмолвии, так и не дождавшись искры жизни. Лишь ничтожная их часть обретает разумных существ.

Услышав это, Цинчжоу невольно поднял взор к бескрайней вышине.

Небо над Алтарной террасой императоров казалось мертвенно-белым, точно застывшее полотно облаков, налитое безмолвной тяжестью.

— Неужели за этим небом сокрыты другие миры?

— Да. Именно их мы и зовем великим множеством миров — великой вселенной, — невозмутимо отозвался Чжоу Фу.

Цинчжоу слабо, горько усмехнулся:

— Какими же ничтожными мы кажемся на их фоне.

Чжоу Фу мягко посмотрел на него:

— Перед лицом изначального хаоса даже исполинский, зрелый мир — всего лишь пылинка. Стоит выбрать достаточно величественную меру, и любые пропасти, что казались нам непреодолимыми, сотрутся в одно мгновение.

Он опустил соединенные листки перед Шэнь Цинчжоу. На кончиках его пальцев тускло блеснуло серебро, и на бумажную поверхность легли несколько тончайших, как волосок, игл.

— Эти иглы — суть все сущее в поднебесной, — пояснил Чжоу Фу. — Изначально оба мира покоились друг на друге, слитые воедино. Твари и люди делили одну землю. Си-хуан первым уловил некое искажение в человеческом мире, но не придавал этому особого значения.

Он легонько щелкнул пальцем. Тотчас верхний, меньший листок по краям подернулся невидимым тлением. На бумаге проступили крошечные, обугленные дырочки, сквозь которые белела подложка нижнего листа.

Шэнь Цинчжоу мгновенно все понял:

— Эти прорехи... они ведь изображают небесные прорехи?

Чжоу Фу едва заметно улыбнулся, а его взгляд потеплел, налившись невыразимой нежностью. Но поскольку они сидели плечом к плечу, Шэнь Цинчжоу не мог разглядеть этого мимолетного порыва.

— Именно так. Это небесные прорехи. Не знаю точно, когда именно это началось. Но бесконечно давно в Море Гор и Морей разверзлась первая небесная прореха. Это случилось на Нефритовой горе, и Си-ван-му первой узрела её появление. Возникнув, прореха исказила все вокруг себя — и время, и само пространство. Си-ван-му тоже попала под это губительное влияние, и лишь благодаря вмешательству Ва-хуан, успевшей залечить рану мира, владычица Запада чудом осталась жива.

Шэнь Цинчжоу изумленно нахмурился:

— Неужели даже такая великая сущность, как Си-ван-му, оказалась бессильна перед небесной прорехой?

Чжоу Фу помрачнел.

— Конечно. Эти бездны куда страшнее, чем ты можешь помыслить. Они пожирают само бытие.

Если бы их оставили без присмотра, они бы без остатка поглотили весь Мир Людей. А потому...

Чжоу Фу осторожно потянул верхний листок вверх. Теперь бумажные лоскуты больше не соприкасались, хотя их по-прежнему связывали пронизывающие насквозь серебряные иглы.

— После того как сменявшие друг друга поколения людей и богов изнурили себя в бесконечной войне с прорехами, Черный Император Чжуаньсюй принял решение.

Черный Император Чжуаньсюй, внук легендарного Хуан-ди, был первым хозяином меча, Влекущего Тень. Когда Белый Император Шаохао затворил себя в бездне Гаюань, дабы сдержать напор прорехи, Чжуаньсюй унаследовал трон своего дяди.

Его правление не блистало столь великими свершениями, как у предков, но одного-единственного деяния хватило, чтобы его имя навеки заняло место среди Пяти Императоров.

— Он разделил небо и землю, пресек пути между богами и людьми, — едва слышно прошептал Шэнь Цинчжоу, точно обращаясь к собственной памяти.

Чжуаньсюй провел невидимую черту между смертными и небожителями. Отныне верховный и дольний миры существовали порознь, и каждый шел своей стезей, не вмешиваясь в дела другого.

Шэнь Цинчжоу в недоумении покачал головой:

— Но зачем? Разве перед лицом подобной угрозы не следовало, наоборот, сплотить силы богов и смертных против общей беды?

— Потому что разделение небес и земли было лишь малой долей великого замысла, завершить который удалось лишь на исходе эпохи Троецарствия, — Чжоу Фу произносил каждое слово веско, чеканя слоги. — Владыка Чжуаньсюй замыслил не просто отдалить людей от богов. Он желал разорвать связь между Миром Гор и Морей и Миром Людей.

Шэнь Цинчжоу задумчиво опустил взгляд на пронзенные иглами листки в руках спутника.

— Отсечь хвост, чтобы спасти жизнь... — тихо обронил он.

— Твои слова верны, — согласился Чжоу Фу. — Император Чжуаньсюй видел, как мятежный Гунгун в безумной ярости обрушил гору Бучжоу, видел, как Ва-хуан изнемогала от трудов, собирая разноцветные камни для починки небесного свода. Все эти бедствия укрепили его в одной мысли: род людской должен научиться твердо стоять на собственных ногах. К тому времени Си-хуан уже начертал триграммы и создал музыку, Ва-хуан основала союзы сердец и залатала небосвод, Шэнь-нун сотворил соху и отдал сотни целебных трав, Цанцзе высек первые знаки письменности, Суйжэнь добыл огонь из сухого дерева, а Желтый Император

заложил законы государств... Весь этот долгий путь люди прошли сами, шаг за шагом, преодолевая невзгоды.

Взгляд Чжоу Фу сделался отрешенным и глубоким, словно устремился сквозь толщу эпох. В нем безмолвно отразились тысячелетия скитаний, горестей и испытаний, выпавших на долю человечества.

— На самом деле помыслы большинства богов были чисты, — поспешил добавить Чжоу Фу, не желая, чтобы у Шэнь Цинчжоу зародилась предвзятость к вышним силам. — В час великих бедствий они без колебаний заслоняли людей собой, а злых сущностей другие божества почти полностью истребили сами. И все же они не могли смириться с мыслью, что смертные ускользнут из-под их опеки и власти.

Цинчжоу повернулся к нему:

— А ты? Ты думал так же?

Чжоу Фу на мгновение опешил:

— Я? Но ведь я не бог.

— Неужели ты из рода людского? — удивился Шэнь Цинчжоу.

— Тоже нет, — Чжоу Фу с кроткой улыбкой покачал головой. — Моя суть... Когда-нибудь я обязательно поведаю тебе обо всем, но не сейчас.

Он вернулся к прерванному раскату:

— Разделив земное и небесное, император Чжуаньской лишил богов права вмешиваться в судьбы смертных, а людей — возможности подниматься в чертоги бессмертных. С того мига невидимые скрепы между Миром Гор и Мореи и Миром Людей начали ослабевать.

Чжоу Фу слегка пошевелил пальцами. Бумажные лоскуты сблизились, едва соприкоснувшись краями.

— Позже Великий Юй укротил бурные воды, разделил поднебесную на Девять провинций и изгнал лютых чудовищ в Мир Гор и Мореи, сотворив земную юдоль безопасной и пригодной для процветания людей. А затем...

Чжоу Фу вновь раздвинул бумажные листки. Несколько тонких игл с тихим шорохом выскользнули из нижнего листа, однако большая часть стальных нитей все еще намертво связывала их между собой.

— Примерно тогда же обрел завершенность Нефритовый фолиант Гор и Морей. Именно его силой ты сумел сдвинуть с места и пошатнуть весь этот огромный мир, — мягко пояснил Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу в растерянности прижал ладонь к груди. В его глазах отразилось искреннее изумление:

— Я?.. Но как это возможно?

— А кто же еще? — улыбнулся Чжоу Фу. — Ведь истинным хранителем Нефритового фолианта всегда был только ты.

— В те времена, — продолжал он, — Мир Гор и Морей все еще страдал от небесных прорех. Но общими усилиями людей и богов эту заразу удалось удержать на границе миров. Тление разъедало внешнюю оболочку, не причиняя вреда сокрытому под ней человеческому миру.

Цинчжоу посмотрел на изъеденный черными дырами верхний лоскуток, затем перевел взгляд на чистый, нетронутый нижний лист и понимающе кивнул.

— Но разорвать эту связь до конца оказалось невероятно трудно. Даже отдав все свои силы, ты не сумел увести из Мира Гор и Морей всех смертных. Оставшиеся там племена расплодились, окрепли и со временем превратились в те государства и ордены, что ты видишь ныне.

— Значит, тогда я лишь пошатнул устои, но так и не смог окончательно рассечь узы между нашими мирами? — спросил Шэнь Цинчжоу.

— Да, — подтвердил Чжоу Фу. — Понадобились подвиги еще многих и многих героев, шедших по твоим стопам, чтобы Мир Гор и Морей наконец обрел собственное дыхание, свободное от человеческой тверди.

Цинчжоу опустил голову, его голос прозвучал глухо:

— Получается... мы просто бросили его на произвол судьбы? Обрекли на погибель?

Чжоу Фу тихо рассмеялся и мягко спросил:

— А сам как думаешь?

— Нет. Конечно же, нет, — Шэнь Цинчжоу на миг задумался, но уже в следующее мгновение покачал головой и твердо произнес.

— Отчего же ты так уверен? — с легким прищуром поинтересовался его собеседник.

— Потому что я все еще здесь. И древние боги тоже никуда не ушли. Спасши людскую обитель, мы до последнего вздоха оберегали и этот израненный мир.

С этими словами Цинчжоу протянул руку и осторожно коснулся пальцами обугленного края верхнего листка.

Казалось бы — всего лишь невесомый клочок бумаги, но отчего же пальцы Шэнь Цинчжоу ощутили такую неподъемную, вековую тяжесть?

Чжоу Фу тоже поднял руку. Его ладонь на мгновение зависла в воздухе, словно в нерешительности, но затем мягко опустилась на запястье Шэнь Цинчжоу. Подушечка его большого пальца легла в точности туда, где на коже чернело клеймо с очертаниями горы Бучжоу.

Удерживая руку юноши, он принялся бережно, миллиметр за миллиметром, разводить бумажные листки в стороны — точно так же, как некогда сонм великих предков общими усилиями отрывал Мир Гор и Морей от материнского лона человеческого бытия.

Цинчжоу неотрывно смотрел на израненную, покрытую дырами бумагу. Пускай память его была чиста, а разум не хранил воспоминаний о былых эпохах, сердце все равно сжималось от щемящей, непереносимой боли.

— У каждого мира есть свои законы, предначертанный порядок бытия, который мы привыкли именовать Небесным Дао, — Чжоу Фу медленно убрал ладонь. Его пальцы едва заметно дрогнули, и он поспешно скрыл это движение, потеряв кончики друг о друга.

Шэнь Цинчжоу, держа в руках бумажный лоскут, все еще пронзенный стальными остриями, повернулся к нему.

Чжоу Фу показал на оставшийся у него неповрежденный белый лист.

— Изначально, будучи единым целым, оба мира дышали общим законом. Но по мере того как их пути расходились, а узы истончались, великое Дао раскололось, явив изъяны. И если в Мире Гор и Морей целостность бытия поддерживали древние божества, то человеческая обитель оказалась на краю бездонной гибели.

— Значит, легенда о том, как Нюйва латала небо, на самом деле рассказывает о восстановлении расколотого Дао? — тотчас догадался Шэнь Цинчжоу.

— Не совсем так, — поправил его Чжоу Фу. — Когда безумный Гунгун обрушил Бучжоу, запертая в глубинах горы прореха вырвалась на волю. Она едва не растворила невидимую

завесу, ограждавшую наш мир. Великая прародительница Ва-хуан воспользовалась пятицветными камнями, чтобы укротить бездну и восстановить эту защиту.

Шэнь Цинчжоу почувствовал, как от обилия неведомых тайн у него начинает кружиться голова.

— Завеса мира... Что же это такое?

— Великая бездна скрывает в себе несметное множество вселенных. Но они никогда не сталкиваются друг с другом именно благодаря этой незримой границе. Она не имеет плоти, ее нельзя коснуться руками — это чистая первозданная идея, некий закон. Самый же великий ужас прорех бездны кроется в том, что они способны пожирать даже отвлеченные понятия, обращая их в ничто, — терпеливо растолковал Чжоу Фу.

— И как же тогда удалось исцелить расколотовое Дао смертного мира? — спросил Цинчжоу.

Чжоу Фу согласно кивнул:

— Оно вновь обрело целостность. Первый Император совершил великое жертвоприношение на горе Тай, сплотив воедино неисчерпаемую судьбу и волю людского рода. Это священное деяние не только ускорило исход нашего мира, но и окончательно залечило раны Небесного Дао.

— А сам Первый Император?.. Почему он принял облик исполинского черного дракона? — Шэнь Цинчжоу невольно вспомнил величественное существо, чья чешуя тускло поблескивала по ту сторону разлома.

— Судьба и воля народа — сила бесплотная, ей необходим был сосуд, дабы закрепиться в сущем. Великий правитель принес в жертву собственный дух, сделав его этим прибежищем. А поскольку на протяжении тысяч лет дети Поднебесной почитали дракона как свой священный символ, эти чаяния изменили саму природу людской доли, наделив душу императора обликом великого змея.

Цинчжоу медленно повернулся к собеседнику и взгляделся в его черты. Он помнил каждое слово: ведь Чжоу Фу сам обмолвился, что его участь во многом схожа с долей Ин Чжэна.

— Стало быть... ты тоже всего лишь бесплотный дух? — в глазах Шэнь Цинчжоу отразилась глубокая, искренняя тревога.

Видя, как юноша тревожится о нем, Чжоу Фу ощутил, как лед в его груди окончательно тает, уступая место щемящей, невыразимой нежности. Он едва не расплакался от этого тепла. Забота А-Чжоу была для него величайшим благом, однако он менее всего желал обременять его сердце лишними печальями.

Чжоу Фу на мгновение задумался, а затем вновь сблизил бумажные лоскуты. В воздухе соткалась новая стальная игла — намного длиннее и прочнее всех тех, что он являл прежде.

— Я... вот эта игла, — проговорил он.

Она с легким шорохом пронзила оба листа, соединив их вместе. Миры замерли один напротив другого — связанные воедино, но избавленные от опасности столкнуться и погибнуть.

Чжоу Фу посмотрел на юношу, и взгляд его налился сиянием, чистым и лучезарным, точно отблеск восходящего светила.

— Вот в чем кроется единственный смысл моего здешнего пребывания.

Шэнь Цинчжоу опустил взор к длинной игле, удерживающей вместе две вселенные. Его взгляд медленно скользнул по холодному металлу от собственного бумажного листка к лоскуту в руке Чжоу Фу. Мужчина по-прежнему бережно сжимал край бумаги и безмолвно, покойно улыбался ему в ответ.

И на сердце у Цинчжоу внезапно сделалось легко и безмятежно.

В былые эпохи он не оставил погибать израненный Мир Гор и Морей, и человеческий род тоже не отрекся от своего многострадального брата.

— Значит, то, что я узрел сквозь разлом бездны, действительно было картинами человеческого мира, — с облегчением вздохнул Шэнь Цинчжоу. — Там все цветет и дышит жизнью. Верно, люди там живут в мире и покое?

— Им еще есть к чему стремиться, — сдержанно кашлянул в кулак Чжоу Фу.

Шэнь Цинчжоу больше не терзался сомнениями о том, действительно ли он некогда звался Куньюем. Он бережно сжал в пальцах израненный клочок бумаги, ощущая, как грудь наполняется великим, грозным долгом, дарующим силу встретить любые грядущие невзгоды.

Сделав глубокий вдох, он мысленно разложил по полочкам все, что довелось сегодня узнать, пытаясь отыскать ответы на последние темные вопросы.

— Когда я взирал на вечные снега хребта Куньлунь, мое сердце сжималось от странной, родственной нежности, — тихо заговорил он. — Связывает ли меня что-то с этой священной обителью?

— В этом нет ничего удивительного, — отозвался Чжоу Фу. — Ведь ты и сам рожден Куньлуном.

«Рожден?..»

Это слово едва ли подходило для того, чтобы описать появление на свет обычного смертного человека.

<http://bllate.org/book/18428/1868536>